

НОВАЯ ГАЗЕТА

Наш адрес в интернете:
NovayaGazeta.Ru

РЕДАКЦИЯ:

Дмитрий МУРАТОВ
(главный редактор)
Борис БАТАРЧУК
(исполнительный редактор)

Юрий ЩЕКОХИНИ
(1-й зам. главного редактора)

Редакционная коллегия:
Сергей КОЖЕУРОВ
(генеральный директор)
Нугзар МИКЕЛАДЗЕ
(шеф-редактор службы информации)
Георгий РОЗИНСКИЙ
(ответственный секретарь)

Юрий РОСТ
(обозреватель)
Петр САРУХАНОВ
(главный художник)
Сергей СОКОЛОВ
(зам. главного редактора)
Олег ХЛЕБНИКОВ
(зам. главного редактора)

Обозреватели:
Евгения АЛЬБАЦ
Юрий БАТУРИН
Борис ВИШНЕВСКИЙ
Павел ВОШАНОВ
Зоя ЕРОШОК
Вячеслав ИЗМАЙЛОВ
Юлия ЛАТЫНИНА
Галина МУРСАЛИЕВА
Григорий ПАСЬКО
Андрей ПИОНТОВСКИЙ
Анна ПОЛИТОВСКАЯ
Георгий РОЖНОВ

Ведущие рубрик:
Андрей БИТОВ
Евгений БУНИМОВИЧ
Борис КАГАРЛИЦКИЙ
Станислав РАССАДИН
Артем ТРОИЦКИЙ
Сергей ЮРСКИЙ

Руководители направлений:
Алла БОССАРТ (общество)
Павел ВОЛОШИН (аналитика)
Маргарита ДОМНИКОВА
(пресс-служба)
Елена ДЬЯКОВА (культура)
Лариса МАЛЮКОВА (кино)
Елена МИЛАШИНА
(спецпроекты — «отдел Домникова»)

Ким СМЕРНОВ (наука)
Дмитрий ФИЛИПЧЕНКО (спорт)
Роман ШЛЕЙНОВ (расследования)

Артем ГЕОДАКЯН (билд-редактор)
Анатолий СТЕПОВОЙ
(корреспондентская сеть)

Собственные корреспонденты:
Майнат АБДУЛАЕВА (Грозный)
Григорий АСМОЛОВ (Иерусалим)
Борис БРОНШТЕЙН (Казань)
Янина ВАСЬКОВСКАЯ (Севастополь)
Иосиф ВЕРДИАН (Ереван)
Николай ДОНСОВ (Санкт-Петербург)
Сергей ЗОЛОВКИН (Гамбург)
Михаил КРУГЛОВ (Самара)
Александр МИНЕЕВ (Брюссель)
Юрий МОИСЕЕНКО (Псков)
Людмила ОРЛОВА (Донецк)
Ирина ХАЛИП (Минск)
Александр ЯГОДИН (Воронеж)

Ведущий редактор номера:
Нугзар МИКЕЛАДЗЕ

ДИРЕКЦИЯ:

Сергей КОЖЕУРОВ
(генеральный директор)
Валерий ШИРЯЕВ
(зам. ген. директора по развитию)
Марина КАСМЫНИНА (финансы)
Наталья СИНАЦЫНА (реклама)
Светлана БОЧКАЛОВА
(распространение)
Владимир ВАНЯКИН
(управление делами)
Наталья ЗЫКОВА (персонал)

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Поталовский пер., 3,
Москва, почта, ГСП-0, 101990.
Пресс-служба: (095) 924-20-54.
Отдел рекламы: (095) 923-17-66.
Отдел распространения:
(095) 923-54-75.
Факс: (095) 923-68-88.
Пейджер редакции:
(095) 974-01-11 аб. «Новая газета»
Электронная почта:
gazeta@novayagazeta.ru
Подписка на электронную версию газеты: distrib@novayagazeta.ru

Любое использование материалов, в том числе путем перепечатки, допускается только по согласованию с редакцией. Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель.

Подписные индексы:
32120 (для частных лиц)
40923 (для организаций)
Подписка на газеты и журналы по Москве через интернет www.GAZETY.ru

Газета зарегистрирована в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № 77-12747

Учредители:
АНО Редакционно-Издательский Дом «Новая газета»,
АНО Редакция «Регион»
© АНО РИД «Новая газета», 2002 г.

Срок подписания в печать по графику: 15.00 06.07.2003 г.
Номер подписан: 15.00 06.07.2003 г.
Заказ № 3445
Отпечатано в ГУП «ИПК «Московская правда»:
123995, Москва, Д-22, ГСП-5,
ул. 1905 года, 7.

Газета печатается в Москве, Воронеже, Новосибирске, Пензе, Рязани, Самаре, Санкт-Петербурге, Тюмени, Харькове, Тель-Авиве.

Тираж — 127 395 экз.

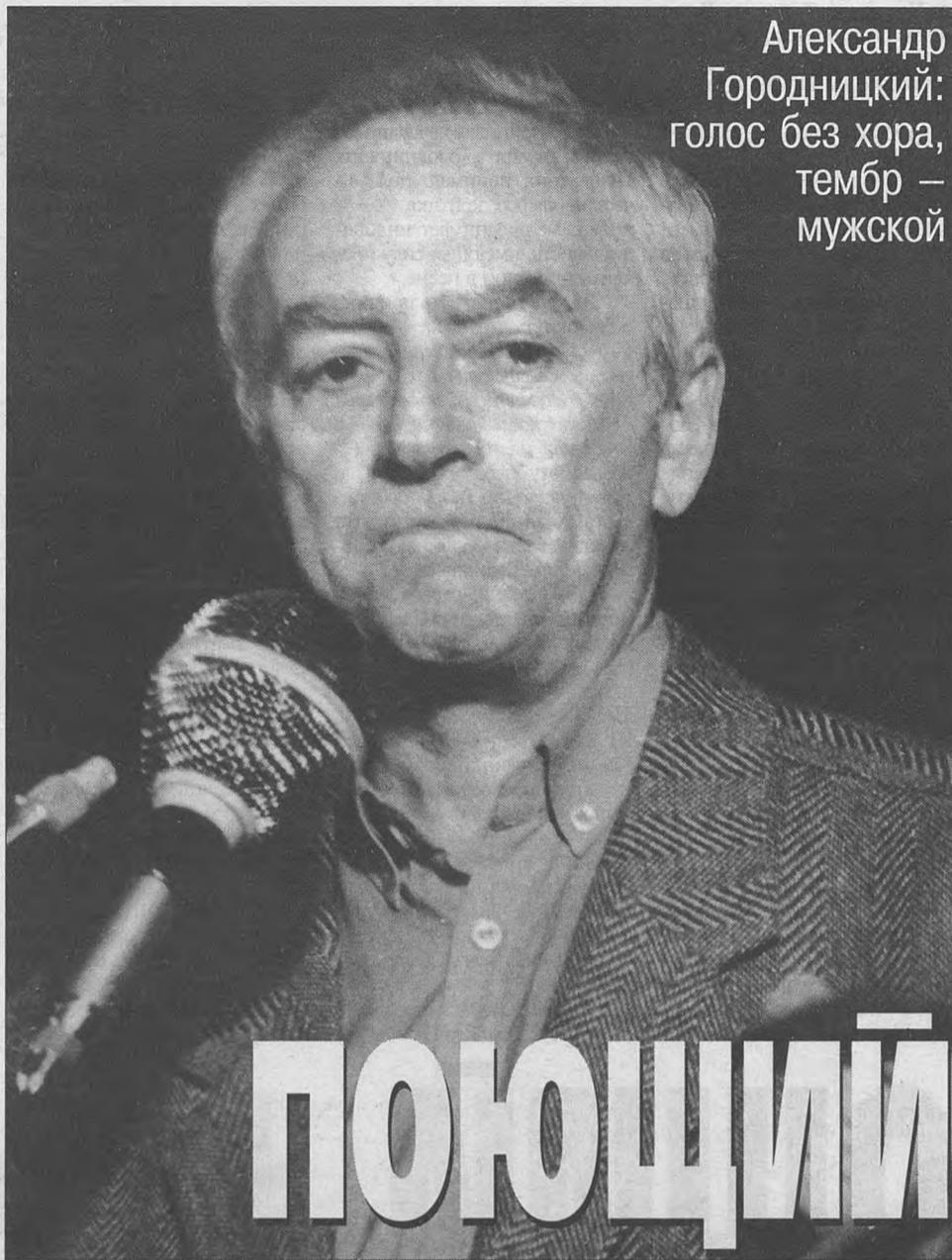
Тираж сертифицирован

Общий тираж, включая вкладыши в региональных изданиях, — 405 655 экз.

ISSN 1682-7384

9 771682 738000

Цена договорная

Александр
Городницкий:
голос без хора,
тембр —
мужской

ПОЮЩИЙ

(Окончание.
Начало на стр. 23)

После чего, — продолжает Городницкий, — на сцену вышел Булат Окуджава, предыдущего выступления не слышавший, и спел свою знаменитую песню о дураках: «Дураки любят собираться в стаю, впереди главный во всей красе», чем вызвал большое оживление в зале.

Положим, на сей раз Окуджава всего лишь нечаянно дал-таки «стае» нелицезнующую характеристику, невзначай же высмеяв себя самого в роли «вожака», претившей ему, но вот как в 1994 году он прямо ответил на вопрос интервьюера: «Ведь вы оказались создателем целой школы бардов?»: «Ну да, и не дай бог вообще-то! Я не люблю ужасно это движение. Это стало массовой культурой. Все это неинтересно. Эстрада. Нет-нет. Потому что авторская песня рождалась на московской кухне, понимаете, среди пяти-шести единомышленников, мыслящих людей. А потом она вышла на широкий простор. Стала упрощаться. Она стала заботиться о популярности. Все это потеряло смысл вообще».

Высокомерие? Снобизм мэтра? Нет-нет! (Что категоричность — это пожалуй.) Наконец, обиды для тех, кто все еще трогательно объединяется вокруг того же Грушинского фестиваля? И тоже — ни в коем случае.

Жесткость сразу вывист свой действительный смысл, едва сообразим, что Окуджава с нежностью относился к Киму, любил Высоцкого, выделял из «стаи» Никитина, Берковского, того же Городницкого. Индивидуальности, противостоящие масскультуре. (К слову, может быть, и не лишнему: так другой «мэтр», Галич, щедро расхваливал мне помянутого Кукина, влюблял, по правде сказать, не совсем

преуспев в этом, в Высоцкого.) Да и Городницкий достаточно горек: «Первое поколение поющих шестидесятников навсегда осталось в прошлом веке, а на смену ему так и не пришла новая когорта поющих поэтов...».

Поэтов — оговорка существенная.

Чем и кем остался, вернее, остается поющий поэт Городницкий?

До неотвязности часто бормочу-напеваю: «*Все перекаты да перекаты... / А где-то бабы живут на свете, / Друзья сидят за водкою, / Владеют камнями, владеет ветер / Моей дырявой лодкою.*»

Ничто из всей моей биографии не напоминает это, геологом Городницким, понятно, лично пережитое, — а вот поди ж!..

Между прочим, иногда он поет: «*моею легкой лодкою*», и мельчайшая эта поправка вроде бы куда значительнее, чем замена «двурогой луны» на «полночную», для меня — существенна. Все это вдруг начинает иметь отношение и ко мне.

Домысливаю? Может быть. Но и в песне же суть не в дефектности означенного плавсредства инвентарный номер такой-то, а в его — реальной, однако и метафорической! — незащищенности. Как оно поэзии и положено, тут выход и выплеск за предел ситуации чисто житейской. Что — дырявость? Жалкий результат растяпистости или нищеты, а легкость суденышка изначально, переменна.

Как собственный непеременимый характер.

Черт знает, до чего я себе не нравлюсь в роли субъекта, отсутствующего вокруг того, что естественнее почувствовать, чем разъяснить. А все же, сдается, именно вариант, самонадеянно предпочтенный мною, ведет к тому, чтобы со всей серьезностью воспринять вот что: «*К большой реке я наутро выйду, / Наутро лето кончится. / И подавать я не должен виду, / Что умирать не хочется.*»

Вот! Вот отчего не патетические «Атланты», не «Кожаные куртки», эта «песня полярных летчиков» с ее заведомой маскулинностью, что определено самой профессией тех, о ком она сложена, а «Перекаты», по всем признакам песенка бесшабашная, почти легкомысленная («Люблю тебя я до поворота, / А дальше — как получится»), кажется мне воплощением свойства... как бы сказать? Скажу, махнув рукой на все оговорки: свойства особо ценного, даже — редкого. Мужественности.

Стоп. Разве, напротив того, похвала этого рода не из разряда самых общих, ни к чему не обязывающих, дежурных, решительно не способных кого-то и что-то индивидуализировать?

Объяснюсь.

Оставим в стороне XIX век русской поэзии, когда сама нынешняя похвала, нестерпимо вульгарная — «настоящий мужик» (так и тянет добавить неизбежное «блин») — показалась бы оскорблением, и не потому лишь,

что на то были причины классово-социальные. Но сами слова «мужчина», «мужской поступок» — именно как комплимент — в качестве знаков самоутверждения стали существенны только в XX веке.

Почему — разговор отдельный (вскользь отмечу то, что на самой поверхности: норма поведения, и воспринимавшаяся всего лишь как норма, не свыше того, в ходе общественного оглебеивания начинала казаться особой доблестью). Но вот что всего интереснее: именно мужественность выходила какой-то неуверительно-траченной.

Кто главный мужчина в поэзии начала XX века? Естественно, Гумилев, «конквистадор в панцире железном», охотник на львов, «мореплаватель и стрелок», но странное или, скорее, неизбежное дело. Когда ему настанет пора написать наконец стихи, ставящие его в разряд великих поэтов, куда только денется эта поза, впрочем, и прежде больше похожая на мальчишескую бравладу? «... *Так век за веком — скоро ль, Господь? — / Под скальпелем природы и искусства / Кричит наш дух, изнемогает плоть, / Рождая орган для шестого чувства.*» Не та мужественность, что горделиво самодостаточна, а бесконечная и безнадежная жажда идеала...

Схематизируя: а дальше — гумилевский эпигон Тихонов, доводящий железное «конквистадорство» до абсурда, который, однако, долго вовсе таковым не казался (пресловутое: «Гвозди бы делать из этих лю-

СВИДАНИЕ

ШЕСТИДЕСЯТНИК

дей...»). Ну, разумеется, Симонов, хотя и у него самое лучшее — «С тобой и без тебя», не мужская победительность, а зависимость от любви. А сокрушительнее всего крах демонстративной игры в мужество — в талантливейшем Луговском, наипервейшем певце оно, шеголявшем всеми его атрибутами, но как нарочно в военный год впадшем в состояние патологической, постыдной боязни фронта.

Не парадокс ли, что из больших поэтов эпохи лично я способен безоговорочно называть, может быть, лишь одного, в этом смысле неуязвимо-го? Ахматову, **женщину**. Что, в свою очередь, достойно длительного размышления; разве что и на сей раз подхватим с поверхности одно очевидное объяснение.

Когда фронтовики, с честью преодолевшие страх физической гибели, были согнуты страхом оказаться вне сплоченного партией большинства и поднять на собрании протестующую против бесчинств руку оказалось труднее, чем подняться под пулями (к сожалению, Слуцкий), стало... Не скажу: ясно, тем более всем, но появилась хотя бы возможность осознания: понятие **мужества** отделилось от понятия **достоинства**. Став оттого непостоянным, временным.

Конечно, сильно рискуя быть высмеянным и уличенным в безумной лести, когда, оттолкнувшись от бесхитростных слов песни, взворошил **такой** слой русской поэзии. Но как, затронув яркие, а то и великие имена, я говорил об общей

печальной тенденции, так и в том, что дало — и кто дал — повод обнаженного разговора, вижу обретения нашей поэзии в некоей ее соборности. Окуджава, Самойлов. И т.д., и т.п.; ряд, где Городницкий — не из последних и где каждый отмечен обостренным до гипертрофии интеллигентским сознанием.

Согласно чему неловко, стыдно, представьте, выгледеть храбреем (и вот фронтовик Окуджава примется уверять сына, что «твой отец — лежебока и плут», пристроившийся «на сыпную должность стрелка»). Неловко, будучи признанным и любимым, счесть это заслуженным (и Самойлов по-своему истолкует свою неловкость в знаменитейшем стихотворении «Нет у их». Нет Ахматовой, Заболоцкого, Пастернака. «И все разрешено»). Или, повторяя: «... подавать я не должен виду...». Ведь — вслушаемся — не только «что умирать не хочется», но и что ситуация вообще — рискованная; «не должен» показать ни страха, — уж это само собой, — ни даже или тем более намека на собственное героическое поведение. Делай свое дело — «а дальше как получится».

Все это и называется — чувство достоинства. Человека. Интеллигента. То, что и дает мужественности, приставшей мужчине, стать и остаться свойством, ни в каких обстоятельствах тебя не покидающим. Независимым.

В этом вижу невидную победу интеллигентности, которая нынче опять, как в 20 — 30-е советские годы (и вновь

свидетельствуя о внутренней неполноценности общества), подозревается в «гнилости» и «размягченности». То ли, мол, дело — «настоящий мужик», образец незакомплексованного самца, всегда готового урвать свое. Как, впрочем, и чужое...

Поэзия Городницкого, особенно его песни, — соблазнительный пример пресловутой мужественности. Соблазнительный потому, что профессия и судьба будто нарочно приуготовлены для бардовских или пахмутовско-кобозоновских песен. Геолог, океанолог, искатель аж самой Атлантиды: рукою подать до Гумилева, до Стивенсона, до Грина, то есть до участи их последыша. Да и найдется от них ото всех понемножку: от картинности автора «Капитанов», от пиратской романтики «Острова сокровищ», от гриновской «страны Иностранни» (словцо С.Я. Маршака). Нормально — для песен, которым надобно петься по возможности широко. Тем важнее то, что... См. выше.

Мы все — в идеале — не должны подавать виду, что нам не хочется... Да не только умирать, следуя всеобщему жребию, но и **обнаруживать** перед теми, кто нас ежедневно обманывает и унижает, что им удалось-таки обмануть и унижить, — насладившись видом обманутого и униженного.

Маловато для того, чтобы мы ощущали себя, как теперь говорят, «комфортно»? Но достаточно, чтобы оставаться самими собою.